

О.Г. ИСУПОВА

НЕДОСТАТОЧНО ОПЛАЧИВАЕМАЯ РАБОТА: ПОЧЕМУ МЫ
СОГЛАШАЕМСЯ?

*ИСУПОВА Ольга Генриховна – PhD (Университет Манчестера)
научный сотрудник Института социологии РАН*

*«Раньше же я была намного... вообще глаза горели
и без денег»*

(из интервью)

Тема работы за чрезмерно низкую оплату заинтересовала меня при изучении стратегий в отношении занятости мужчин и женщин России¹. Поскольку для этого лонгитюдного исследования были отобраны респонденты, находящиеся в стесненном экономическом положении, бедные, безработные, работники депрессивных предприятий, а также неустроенные выпускники высших и средних учебных заведений, т.е. люди, кому, казалось бы, надо стараться найти себе работу, обеспечивающую как минимум возможность физического выживания, невозможно было не обратить внимания на то, что зарплата на тех должностях, куда они могли в реальности устроиться и устраивались, часто оказывалась намного ниже прожиточного минимума. В результате респонденты вынужденно формировали различные

¹ Материал статьи – часть проекта «Гендерные различия в стратегии занятости в период экономических перемен в России», грант ИНТАС-97:20280. Наряду с транскриптами интервью при подготовке статьи использованы аналитические отчеты, подготовленные в рамках проекта Н. Гончаровой, М. Ильиной, Т. Лыткиной, М. Киблицкой, И. Козиной, Е. Омельченко, И. Тартаковской, С. Ярошенко.

поведенческие стратегии, позволяющие им попытаться дополнить свой доход до необходимого уровня, путем подработок, получения части оплаты продуктами, законно или незаконно, получения субсидий от государства или помощи от кого-то еще, а также работы по выращиванию продуктов на своем приусадебном участке. С точки зрения В. Кабалиной и С. Кларка, однако, все эти методы не повышают доход семей и индивидов в достаточной степени, это, скорее, «путь дополнить свои доходы для тех, кто уже и так является более или менее обеспеченным, но это не способ, с помощью которого беднейшие семьи могут выжить» [1, с. 12]. Экономисты призывают государство создавать «условия для приближения оплаты труда к необходимым затратам на воспроизводство рабочей силы» [2, с. 46].

То, что люди соглашаются работать за подобную символическую, ниже прожиточного минимума (невозмещающую затраты рабочей силы, по Марксу, см.: [3]) оплату, приводит к состоянию неоптимального равновесия на рынке труда, позволяющего выживать не тем предприятиям, которые действительно рыночно конкурентноспособны, за счет регулярного использования ими такого рода неоплачиваемой деятельности людей. И действительно, многие респонденты объясняют поведение своих работодателей невысокой рентабельностью предприятий последних: *«Мельница вроде не особо прибыльная, лишних денег нет»*, 3-17ж^{1 2}; *«Подняли им немного*

¹² Все интервью в статье обозначаются двумя цифрами и буквой. Первая цифра означает город, в котором проживает респондент (1 – Москва, 2 – Ульяновск, 3 – Самара, 4- Сыктывкар), вторая цифра (после дефиса) обозначает номер респондента внутри выборочной совокупности в данном городе, буква – пол,

[зарплату]. Но это, скорее, руководство продемонстрировало свою готовность идти навстречу, чем реальную возможность платить достойно. Но и работники это понимают, просто время такое, всем приходится много работать», 4-7ж.

«Недооплаченную» работу иногда можно также понять как «обмен дарами» ("*gift exchange*"), (Akerlof, 1982, см. в [4]), т.е. оказание работниками и хозяевами взаимных услуг друг другу. В данном случае это будет работа за мизерные деньги в обмен, например, на послабление трудового режима. В этом смысле неоплаченная часть работы уже не будет совершенно бесплатной в строгом смысле слова, поскольку здесь присутствует расчет на получение определенной отдачи, вознаграждения. Однако это все же не четко оговоренная плата, выраженная в денежном эквиваленте, кроме того, подобный расчет может и не оправдаться.

Феномен работы за чрезмерно низкую оплату, на мой взгляд, имеет также непосредственное отношение к гендерным различиям индивидуальных стратегий на рынке труда, поскольку есть существенная разница в отношении мужчин и женщин к труду на таких условиях. Возможно, это связано с укоренившейся в обществе традицией недооценки и недооплаты женского труда (Davies and Rosser, 1986; Acker, 1989, см. в [4]).

Наконец, «недооплачиваемая» работа может быть связана с культурными традициями и привычными практиками, в данном случае – российскими и советскими (см.: [5]). Но и культурная, и

мужской или женский. Все цитируемые интервью относятся к третьей волне исследования, т.е. интервьюирование проходило в сентябре – декабре 2000 года.

экономическая ситуация в настоящее время проходят через стадию глубоких и достаточно быстрых изменений. В связи с этим, поведение экономически активных индивидов и их работодателей по отношению недооплаченному труду также меняется. Характер изменений можно, например, проиллюстрировать следующими словами рабочего из Сыктывкара: *«Все хотят, чтоб все работало и крутилось, но в тоже время не платит, потому что ни у кого нет денег. Сейчас идет цепная реакция - мало платят, такое и отношение к труду»* 4-53м. Динамизм ситуации делает тему работы за чрезмерно низкую оплату еще более интересной для изучения именно в настоящий период времени.

Как было отмечено выше, недооплаченный деньгами труд может быть вознагражден чем-то другим, в том числе, символическими благами, вплоть до «морального удовлетворения». Поэтому, в целях большей ясности, хотелось бы теперь остановиться на том, что понимается как *работа, оплачиваемая недостаточно*, в рамках данной статьи.

Во-первых, имеется в виду работа, недооплаченная именно в денежном выражении как в отношении соответствия оплаты количеству и качеству труда (исходя из известных индивиду расценок), так и в отношении ее соответствия прожиточному минимуму в данной местности. Во-вторых, рассматривается как труд на официальном рабочем месте, так и подработки. В третьих, имеет значение доступность работы за бóльшую зарплату для данного индивида (например, для женщины, инвалида, молодого человека, пожилого человека, и т.д.) в данном месте. В третьих, важно, осознает ли человек тот факт, что ему платят слишком мало. В четвертых, и это, вероятно,

самое интересное, интересно понять, как он это объясняет и как к этому относится.

Подчеркнем еще раз: склонность, сформированная традиционной культурой, советской историей, привычка к тем или иным видам бесплатной деятельности, восприятие тех или иных видов работы как “естественно неоплачиваемых”, влияет на отношение к платной работе и поведение индивида на рынке платного труда.

Кроме того, можно ожидать, что гораздо чаще заняты недостаточно оплачиваемой деятельностью женщины, поскольку традиционно женский труд в домашнем хозяйстве не оплачивается и недооценивается; есть тенденция распространения представления о том, что женщинам “естественно” многое делать бесплатно, на сферы оплачиваемой работы (Davies and Rosser, 1986; Acker, 1989, см. в [4]). С другой стороны, интересно выяснить и характер, а также мотивации недооплачиваемой деятельности мужчин в отличие от женской. Особенно различаться будут, на мой взгляд, мотивации и самообъяснения; а также, одна и та же деятельность, возможно, будет восприниматься как “недооценка моего труда” мужчиной и как “за что же тут платить больше?” женщинами.

Описание и анализ данных исследования

Наши интервью показывают, во-первых, причины и обстоятельства, мотивирующие индивидов работать за недостаточную оплату, и, во-вторых, подтверждают существование со стороны работодателей тенденции опираться на то, что люди будут работать на таких условиях: *«Работать приходится еще больше. И, как это сказать...*

Интенсификация труда возросла. Ну, процесса увеличения зарплаты никакого», 1-41м.

В отношении наших респондентов к недооплачиваемой работе, на мой взгляд, проявляются противоречивые ценности, характерные для современного российского общества. Эти ценности связаны с сосуществованием в нашей стране нескольких типов представлений о жизни, каждый из которых подразумевает как определенное экономическое поведение, так и некий свод моральных убеждений и культурных навыков. Причем, каждый из этих типов диктует специализированные по полу поведение и взгляды.

Первый тип можно назвать *традиционным*, или, в случае настоящего исследования, *крестьянским*. Для него характерна работа в «расширенном» домашнем хозяйстве (выращивание продуктов на приусадебном участке, работа по уходу за домом и приготовлению пищи, уход за детьми и престарелыми родственниками), своем или чужом: *«Я съездил к другу. Я помогал ему по любому, потому что в деревне работы всегда навалом. Там не отдыхаешь. Свиньи, коровы – там отдыха нет никакого», 3-12м; «У нас ведь еще деревня. Мама старенькая у нас, ей нужно помогать. Она говорит: "Я все для вас...". И вот получается, что огород она бросить не может, а ничего она сама уже не может. Жуков ей надо обрабатывать. Она, конечно, полет, она весь огород выращивает – она все это очень любит и не представляет жизни без работы: "Пока хожу, я буду..." Но в основном, мы ей должны помогать там. Ну, это наша обязанность, конечно», 3-53ж; также 1-2ж, 1-6ж.*

Большая часть такого рода работы все чаще, и прежде всего в городах, может быть выполнена на коммерческой основе или заменена

потреблением готовых коммерциализированных услуг и продуктов. Надо сказать, респонденты (например, 3-34ж, 3-46м, 3-16ж, 2-3ж, 3-15м) часто осознают не только возможность приобрести производимое в домашнем хозяйстве за деньги, но и экономию денежных трат, связанную с таким домашним производством, часто считая, что, при низких шансах достаточно высоко оплачиваемого трудоустройства, работа в собственном хозяйстве является более экономически оправданным применением их сил: *«Я сразу отказалась, ехать далеко, [зарплата] 250 рублей [в месяц], думаю, лучше я с внучкой посижу»*, 3-21ж; *«Вот было время, что и муж не работал, и я в декрете была. Но я тогда очень много пекла, теперь вот больше денег тратится на всякие полуфабрикаты, а они ведь дороже. Вот и получается, что время – деньги. Зарабатываешь на то, что сам мог бы сделать»*, 4-7ж; *«Вот финансовое положение изменилось с моим выходом на работу. Оно стало хуже. Раньше я пекла, экономила, могла подешевле продукты купить, а теперь не успеваю это делать. Опять-таки на одежду не надо было много денег тратить, а раньше могла в чем попало ходить»*, 4-24ж; *«С одной стороны, как будто, и трудности: воду надо принести (у нас колонка очень далеко), дрова нужны, но, в то же время, мы все делаем собственными силами, мы не платим за квартплату, а квартплата постоянно поднимается. Если я 500 рублей экономлю на этом каждый месяц, то это вроде как и приятно»*, 4-53м. Бывший летчик (4-2м) превратился в домохозяйку при работающей жене, исходя из достаточно рациональных соображений: *«сизу на пенсию, хоть дома польза от меня какая-то есть, а если искать работу, больше времени потратить, и дома от меня толку не будет, и работу вряд ли найду. Сейчас на хорошую работу я уже в*

любом случае не гожусь – и возраст, и здоровье не позволят. А те работы, где меня еще могут взять, там платят везде мало, поэтому уже выбираешь, чтобы удобнее было. К маме сходить (мама Николая – инвалид первой группы) – тоже моя обязанность. А дома почти все женские дела на мне: посуду мою только я, готовлю практически полностью я, полы на мне. И всегда их дома ждет горячая еда, я же дома всегда, даже им разогреть себе не надо».

Иногда такая «домашняя» работа является уже и непосредственно ориентированной на продажу: «У меня знакомая пенсионерка, она продает с дачи, она говорит: "С каждого клочка земли можно столько взять!" И это тоже деньги, повез на рынок - сейчас в общем-то нигде не запрещается - встал с этим ведром, продал. Пусть какие-то, но деньги. Пусть ты даже 2 ведра продашь, но все равно ты будешь чувствовать, что вот еще и продал и у тебя это деньги. А на этом месте можно еще что-то посадить», 3-53ж; таким образом, традиционная система встраивается в рыночную, продолжая, тем не менее, существовать как целостная подсистема.

Однако, встраивание «традиций» в рынок не лишено противоречий. В рамках крестьянских представлений существует определенная неразвитость индивидуальности, и, соответственно, неразвитость собственного интереса [6]. Человеку свойственно, до некоторой степени, мыслить себя как неотделенную часть большего, над-индивидуального, целого. В результате при «выходе на рынок» такой «традиционный» человек не вполне четко осознает продажную цену своего труда в современном мире, проявляет «слабую рыночную

компетентность»^{2 3}: «Вот предлагали ему работу в аэропорту на пожарной машине. Там и зарплата побольше чуть не в два раза, но он говорит, что там машина такая, что никогда на ней не ездил. И не рискнул. Да вроде там было и много желающих, что, говорит, я буду локтями толкаться Он и когда подвозит [подрабатывает извозом], никогда сам цену не называет. Сколько дадут...», 4-7ж о своем муже; «разрисовала комплект мебели детской... Много ночей. Много сил. Около месяца. **Интервьюер.** И сколько Вам заплатили? **Респондент.** 60 рублей. Я не стала ничего говорить. Изначально лучше заключать договор в таких случаях. А я сначала сделала, а потом уже узнала. Я не удивилась бы, если бы мне вообще ничего не заплатили. Была готова к этому. **И.** Вы делали по просьбе или по собственной инициативе? **Р.** По просьбе, конечно. **И.** Т.е. попросили, а вопрос о цене не оговаривали. **Р.** Нет», 4-30ж. «Традиционный» человек также верит в «хорошее», в то, что люди не могут обмануть, что все когда-нибудь наладится: «иногда вообще не платили, все равно работали, правда, надеялись, что все-таки когда-нибудь дадут», 4-43ж; реже интересуется подробностями своего контракта при устройстве на работу, причем, по наблюдению И. Козиной, это в большей степени свойственно женщинам, чем мужчинам. (Исходя из приведенных выше примеров, можно отметить, что в целом женщинам чаще свойственны размышления в «традиционных» терминах, что, вероятно, связано с их большей погруженностью в мир домашнего хозяйства, продолжавшейся и в

^{2 3} Которая, однако, может изменяться во времени, поскольку «познавательные и вычислительные способности» человека развиваются от соприкосновения с явлениями рыночной жизни, прежде ему неизвестными, согласно Дж. Ходжсону [7].

советские времена, когда мужчины были уже от него оторваны и встроены почти исключительно в индустриальные отношения).

Наконец, «традиционный» человек, по крайней мере, временно, может проявлять и нежелание вообще вливаться в рынок, в том числе в рынок труда, предпочитая существовать в «нерыночных» сегментах экономики (крестьянское «натуральное» хозяйство): *«Ну, я и зависла там. В деревне, там же проще: хлеб она сама пекла, молоко у родственников брали..., [деньги тратили] в основном-то... на необходимое: на муку... Ничего не покупали, можно сказать..., на сахар»*, 2-27ж. Такой человек может предпочитать недооплаченную работу, поскольку она представляется ему или ей менее ответственной, закабаляющей (1-27м, 1-23м, 1-16м, 1-32ж, 2-30м, 2-24м).

«Энергетическая» мотивация к труду (работа как приложение «излишка» сил, не важно, за деньги или нет), иными словами, потребность в «работе ради работы» как позитивная ценность, на мой взгляд, также связана с «традиционным», «крестьянским», «народным» миром: *«Нет, я подрабатываю же не у чужих, у своего собственного мужа и зятя... То есть я их не могу бросить, даже если бы я и расхотела. Деньги? Нет, денег мне как раз мало платят, то есть совсем. Я не воспринимаю это как дополнительные отдельные деньги. Просто, я люблю работать. Даже, если бы мне не платили, я бы все равно, наверное, это не бросила»*, 1-8ж; *«У меня нет такого, что... я не считаю, что у меня недостаток денег... занять себя..., заниматься каким-нибудь делом, не просто так сидеть, потому что сейчас уже и в деревне нечего делать будет, потому что все уже, огород кончился, все... Надо делом заниматься»*, 2-27ж; *«Но еще, плюс ко всему, что я просто-напросто не могу сидеть дома без дела. Извините, взрослая*

деваха лежит на диване кверху задом – это не выход просто. Я не люблю, вообще, бездельничать», 2-32ж; также 3-16ж, 3-56м, 1-50м. Люди старшего возраста чувствуют себя моложе, работая: «я чувствую в себе силы, что я еще могу работать, дома мне не хочется сидеть, поскольку, в общем-то, сын вырос ... работая в институте, я ощущаю себя более активным членом вот этой жизни, т.е. я острее, живее, полнее воспринимаю все многообразие, если можно так сказать, ощущаю жизнь», 1-22ж; также 1-9м, 3-49м.

Второй тип ценностей и отношений, влияющий на отношение людей к недооплаченной работе и их поведение по отношению к ней, можно назвать **«советским»**. В «осколочном» виде он также продолжает существовать в некоторых сегментах экономики, например, на многих бывших государственных предприятиях и в государственных организациях, таких как школы и детские сады. Для этого типа характерны различные «пережитки» воспитываемого в предшествующую эпоху в населении обоего пола «коммунистического отношения к труду»: *«Раньше ведь другое время было, раньше на работу шли, как на праздник. Это действительно так. Эти же ленинские субботники, все как... Хоть и критиковали и ругали их. Пойдешь, поработаешь, после работы посидишь, пообщаешься, домой разойдутся. А сейчас, как-то каждый сам за себя, на работе и то не с кем даже поговорить», 4-55ж.*

Традиция «преданности предприятию», «интересам дела», равным образом связана с советским индустриальным укладом, хотя подобные ценности горячо приветствуются и «капиталистическим» миром. Умеренная преданность предприятию, обуславливающая согласие работать за недостаточную зарплату, свойственна как мужчинам, так и

женщинам в нашей выборке (1-62м, 2-26ж, 2-2м, 4-7ж, 2-43м). Сотрудница института 1-15ж формулирует это следующим образом: *«Я человек долга, к сожалению. И потом я 30 лет отдала этой работе, я не могу, это же мое дело»*; *«Может, меня не очень устраивает, если бы, естественно, мы имели чего-нибудь больше, нас бы это устроило бы лучше, но работаем пока... инерция есть определенного рода, вот в этом смысле, что человеку проще работать там, где он свой... В нашей стране так сложилось, что в России, для Советского Союза – человек традиционно работает в какой-то организации долго»*, вторит ее коллега, 1-33м.

Более редкий и интересный случай – добровольная и постоянная недооплачиваемая работа на своем предприятии в больших объемах (человек постоянно остается сверхурочно без доплаты, уже в течение многих лет), как результат полной идентификации с предприятием из-за серьезных неудач в семейной сфере; мужское поведение, не имеющее женского эквивалента в рамках нашей выборки (240 человек, из них 120 женщин): *«А у меня еще с семейным положением все было связано - особо не спешишь домой. Если вне нашего завода, то ниже сейчас 7 тысяч я не пойду. И потом мне нравится сам по себе завод. Все это сделано аккуратненько. А заказ [на подработку, лично ему] - я от обратного пляшу. Если будете заказ делать, например, заводу, мне и ваши деньги-то не нужны. А если не будете, то, извините»*, 1-63м.

Однако и «советская» система, так же как и «традиционная», сейчас встраивается в рыночную как подсистема. Для некоторых респондентов характерно, например, пересчитывание относительной стоимости «советских» трудовых льгот в рыночном эквиваленте: *«на старой я получал 1600 вместе со всеми доплатами, здесь мне сразу*

предложили 2000 железно, плюс возможны какие-то доплаты. Я за год подсчитал, за год разница тысяч 5. Мне показалось, что это достаточно, чтобы лишиться этих льгот. Сейчас рассчитал все заново, с учетом повышения на старой работе. Получается, что если предложат 2900 и выше, то еще можно перейти. А если ниже, то не стоит», 2-53м; «Мы здесь [в детском саду, где работает респондентка] втроем кормимся – я, дочь и сын, то есть три члена семьи целый день сыты и по низким ценам», 4-7ж; также 2-55м.

Для собственно рыночного, или **«либерально-капиталистического»**, типа также характерно в определенных обстоятельствах выполнение недостаточно оплачиваемой работы. «Рыночным» расчетом проникнута мало оплачиваемая работа, связанная с **трудовыми инвестициями** в дело, которое, может быть, принесет прибыль потом; здесь главное - стремление составить о себе благоприятное мнение на новой работе, наработка «символического капитала» в виде стажа работы по профессии в надежде, что он принесет дивиденды в будущем: «Эта инициатива может открыть мне путь в академию. Из академии меньше чем в чине майора не выходят. Ведь эта моя программа, когда я ее доведу до ума, будет распространена во всех российских частях. А это плюс начальнику части, плюс начальнику эскадрильи, и большой плюс мне», 3-24м; «Я же говорила, предлагала - даже бесплатно, месяц меня возьмите, полтора, посмотрите на меня, - как человека увидите, потом как работника оцените», 4-23; «А то вот еще наш папа сейчас сменил работу на денежную, уже почти два месяца там работает, а денег еще вовсе не видели. И мы поэтому даже выпали из числа малообеспеченных, потому что там же не живые деньги считают, а

начисление. Мы даже так порассуждали, что может, и зря он работу сменил, тогда Валерку в школе бесплатно кормили, и субсидия была на квартплату и свет», 4-1ж; «инвестиции» подобного рода в случаях 3-38ж, 3-51ж, 2-25ж, 2-41ж, 2-28м, 2-45м, 2-26ж, 2-55м, 4-30ж, 2-37м, 2-2м, 2-44м, 3-27ж, 3-37м.

Надо отметить, что «рыночная компетентность» респондентов в целом достаточно велика, это проявляется, например, в осознании многими из них существования прожиточного минимума и нежелании соглашаться на работу за меньшую зарплату, предпочитая такого рода ложной, не обеспечивающей выживания «стабильности» подработки или работу в домашнем хозяйстве. Значительную компетентность в этом вопросе проявляют и женщины, и мужчины. Женщины даже несколько чаще: *«Но это же надо быть неразумным человеком, чтобы идти на маленькую зарплату за огромный объем работы. Надо просто глупым быть», 3-16ж; «Обиднее работать и не получать зарплату, чем не работать и не получать зарплату», 3-25ж; «За 300 рублей? Я совсем ушла. Зачем? Почему? За 300 рублей работать - себя не уважать. Представляешь, работают мужчины зрителями. Целый день работают, представь, без зарплаты. Он месяц работает, он себе даже на обед не зарабатывает. И двое таких мужчин там работают. Я, по крайней мере, на двух работах работала. Я убиралась и зрителем работала. На двух работах - 600 рублей. Вся вымотана», 4-54ж; «А моей зарплаты, моего "довесочка" всего-то хватает на два дня. Единственное, я должна работать. В нашем обществе так принято. Наш народ удивляет, что не работаешь. Никто же не задумывается, что эта зарплата ничего не дает», 4-24ж; «То есть здесь деньги ниже всякого предела, их вообще нет. Если*

это будет не полторы тысячи, а восемьсот, как в прошлом году, например, то, в общем-то, разницы все равно никакой нет, если я должен платить тысячу за квартиру, тысячу за лекарства... То есть, в любом случае, эта организация, это не источник денег в науке», 1-1м, также 3-39м. Другие респонденты согласны работать за слишком маленькие деньги, но при условии возможности сокращения объема работы и рабочего времени: «денег там не платят – 250, 300. Это не серьезные деньги. Сколько платят, столько и работаю», 2-12м; «В зависимости от того, сколько ты работаешь и как ты работаешь. Если ты ничего не делаешь, тебе деньги за это платят, пусть даже маленькие. Нормально», 2-41ж. Респондент (2-25ж) работает за деньги намного меньше прожиточного минимума ради приобретения «опыта работы», капитала, призванного обеспечить лучшее трудоустройство в дальнейшем. Респондентка (4-27ж), привыкшая так или иначе дополнять крайне несущественный денежный доход «натуральным», так объясняет «выгоды» своей прежней работы за маленькую зарплату: «Это 300 рублей. Там можно было продукты [брать]. За квартиру там шла субсидия. Расходы шли чисто на хлеб. Я могла детям купить что-то. Эти деньги шли на расходы свои». Другой респондент (4-59м) говорит о том же, еще более определенно: «А на мясокомбинате, чем меньше нам платят, тем больше мы будем брать [продуктами, которые производим]. Мы все равно это компенсируем».

Взаимовыручка между работниками одного и того же уровня также может осознаваться «рыночно», как взаимовыгодный «обмен дарами»: *«когда просто знакомые просят, нельзя как-то отказывать. Но это не из-за денег, потому что они [подработки такого рода] больше времени занимают, чем денег дают. Это не денежная такая работа.*

А просто стараешься или сохранить какие-то нужные тебе знакомства, или еще что», 2-19м.

Для «рыночного» сознания «качественное», престижное рабочее место как таковое может представляться ценностью, за возможность попасть на такое место можно и приплатить, по крайней мере на первых порах: *«Где-то можно поработать, чтобы ты платил, где-то можно поработать так, чтобы тебе платили. Потому что существуют некоторые виды деятельности, в которые попасть очень сложно», 2-40м; «А в Финляндии сейчас будет не подработка, а трата. Я еду за свой счет. Мне просто надо доделать одну работу, которую, если я не доделаю, я просто забуду, - я ее уже два года делаю, просто она уже у меня поперек горла. Вышло так, что вот именно за это мне никто ничего не платил, но я ее уж очень люблю. Ну, и с этой работой я хочу разделаться уже из чисто таких, престижных соображений», 1-1м.* Впрочем, приплачивать за возможность работать может быть сложно при отсутствии дополнительного источника дохода, поэтому приходится отказаться от этой продуктивной идеи, почему-то возникающей (в нашей выборке) только в мужских головах (именно женщины сейчас рассматривают работу прежде всего как источник дохода, а не удовольствия): *«Не смог бы работать, если бы стали требовать с меня деньги. Как за вход в институт – кто-то предложил администрации ввести плату за вход (шутка)», 1-27м.*

Мужчины, для которых работа (чаще, чем для женщин) является потребительской ценностью, а не инструментальным средством достижения других целей – в связи с этим продолжают также считать, что работа должна быть *интересной* (2-46м, 1-19м, 1-7м, 1-20м и др.),

приносить определенный *статус*: «всегда считал, что это очень престижно принадлежать к интеллигенции, ну хотя бы по такому признаку работы в Академии наук, то есть к ученому миру», 1-31м. Вероятно, это связано с тем, что для большинства мужчин работа составляет ядро идентичности, если не всю идентичность: «исследователь, который ведет самостоятельно исследование, чувствует себя разговаривающим со Всевышним. Это чувство и греет душу, потому что ничто не может это изменить», 1-27м; «Чисто психологически, наверно, тяжелее потерять работу мужчине, наверно... женщина она ведь все равно как-то дома, у нее и работы дома больше, чем у мужчины. А у мужчины только тяжелая работа, если только хобби заняться потом. Вязать, подшивать, что ли, потом», 4-52м. Мужчинам, воспитанным на советских традициях, больше не с чем себя соотносить, их семейная роль в советской идеологии была явно недостаточной (сейчас, кстати, их значение для семьи, судя по многим интервью данного исследования, так или иначе увеличивается – в случае существования у них семьи). Для женщин же отношения со «значимыми другими», семья как частный случай имеют достаточно большое значение (наряду с работой). Поэтому мужчины часто конструируют свою рабочую ситуацию как сложноподчиненную систему из деятельностей разного вида и рода, в которой одна «работа» «кормит» другую. Женщины же рассматривают работу прежде всего как источник дохода, средство выживания для себя и других членов семьи (в современной ситуации такое осознание происходит все чаще), и в меньшей степени – как отдушину от семейных хлопот, запасное основание для идентичности, место общения (последнее сейчас менее характерно, чем, например, 10 лет назад, поскольку возможности для

общения на рабочем месте сокращаются из-за интенсификации труда). Впрочем, женщины тоже не возражают против «интересной» работы «в удовольствие», при условии, что их материально обеспечивает кто-то другой (1-12ж, 4-1ж).

Последний тип, или совокупность ценностей, связанных с нежеланием зарабатывать достаточно денег даже для «прокорма» самого себя, а тем более семьи, можно назвать *«альтернативным»*, или принципиально *«анти-рыночным»*. Носители культурных представлений этого рода не хотят вливаться в рынок труда, связывать деньги с работой: *«работу практически не искал. Я сейчас очень плотно сижу над книжкой, фактически меня хватает только на это, на детей, на спорт. Значит, завтракаю и ложусь на диван, жду, пока голова начнет работать. Самому мне от этого ничего не надо, но представь, на протяжении 200 лет никто не смог это сделать [понять Гегеля], а я смог»*, 3-42м; *«Я не хочу тратить деньги, не хочу их зарабатывать, понимаешь, не интересно мне это... Может быть, мне просто не хватает - гром чтобы грянул, чтобы мне хвост кто-то поджег - тогда я забегая и вернусь к товарно-денежным отношениям и всему прочему, а, может, и не вернусь... И еще есть, знаешь... есть у меня такое впечатление, что чего-то не будет, как перед концом света. Почему-то у меня нет такого, отпало тоже как хвост, как у лягушек отпадает, и у меня отпало ощущение будущего. Понимаешь? Ну, это известная история, чувствуешь, как будто там стена глухая, впереди. Раньше было такое чувство, что надо, надо стать, быть, сделать из себя. А сейчас непонятно, зачем делать из себя что-то, зачем надрываться, деньги зарабатывать. Мне кажется, если зарабатывать сейчас деньги, то, может быть, не удастся их*

потратить...», 2-52м. Один из респондентов (4-60м), впрочем, возможно, психически не вполне здоровый человек, представляет собой, вероятно, крайний вариант в этой чисто мужской группе «бесплатных работников»: «духовный тип, человек, который может много не работать, искать чего-то. Он себя может полностью посвятить книгам, чтению, поискам мыслей каких-то, рассуждениям там... Священники – это духовная работа. Писатель, поэт. Он просто стихи пишет, ему от жизни ничего больше не надо. Я тоже стихи пишу. Вот вы смотрите более прагматично, со своей стороны. Надо деньги для дома. А представьте: полностью отдаться без денег, без ничего делу». Как видим, «какой-то деятельностью» (4-60м) они все равно при этом занимаются: годами пишут книгу о Гегеле (3-42м), пишут стихи (4-60м), открывают сайты в Интернете (2-52м). А вот что думает об «альтернативе» женщина: «раньше у нас человек был более свободен в выборе своего жизненного пути, не так много определялось деньгами, можно было посидеть впроголодь, но добиться того, о чем мечтаешь, если для этой мечты есть способности. А теперь, мне кажется, не способностями и умением определяется все, а деньгами. И даже если ты способен на какие-то серьезные ограничения себя (жить впроголодь), ты без определенной суммы денег все равно ничего не сможешь», 4-7ж.

Все предыдущие рассуждения связаны с тем, что может мотивировать человека осознанно и/или добровольно согласиться на недостаточно оплачиваемую работу. Однако, в реальности современного российского «рынка» существует достаточно много ситуаций, когда элемент благородства, добровольности отсутствует полностью, человек соглашается на недоплату вынужденно, иногда по

прямому принуждению. Это чаще всего бывает вызвано субъективно ощущаемой зависимостью от работодателя, тем, что человек держится за рабочее место на любых условиях.

С принуждением к недостаточно оплачиваемому труду сталкиваются и мужчины, и женщины, но женщины воспринимают зависимость «легче», да и хозяева не предполагают сопротивления с их стороны: *«Женщины более лояльные, не хотят отношения портить»*, 4-2м; *«Приходится маленько терпеть, а что делать? Ничего не сделаешь»*, 3-17ж; *«Это уже чисто женское. Раз надо, значит надо. Привыкли так, безропотно»*, 4-7ж.

Мужчины реагируют на зависимость и принуждение более остро, гордо: *«Мы себя рабами чувствуем. Мы уже считаем себя рабами, а в цехе еще хуже»*, 4-59м; *«И. Вам не кажется, что вас просто используют? Р. Ну, так уж всегда будет, коль начинаешь работать по-честному с человеком, и ему кажется, что так и должно быть. Это уж система такая. Мне уж так на роду написано, если не умеешь резко разговаривать»*, 3-2м. Мужчины чаще не соглашаются с принуждением, отказываются от недооплачиваемой работы: *«Нет, я просто не буду делать, и все. Нет. Почему я должен делать то, за что мне не платят... нет, не пойду, не обязан»*, 4-53м; *«я думаю, что ни в коем случае давить на человека не надо. Ни в коем случае. Нужно искать подход, чтоб человек делал от души, с удовольствием»*, 4-61м.

Некоторые женщины, впрочем, также сопротивляются: путем увольнения с «плохой» работы (3-9ж); педагоги (4-10ж и 4-8ж) собираются бороться, оставаясь на работе: *«у меня в этом году отчет на ученом совете, и я планирую все высказать, заявить открыто, что работа такого рода – каторга»* (4-8ж).

Бóльшая «покладистость» женщин, вероятно, связана с низкой самооценкой, низкой оценкой ими шансов своего альтернативного трудоустройства, как уже отмечали другие авторы [8,9]. *«Ну, лишь бы где работать. Сейчас такое положение в общем-то», 3-53ж; «Теперь же мы все держимся за те места, куда уже попали – лишь бы дальше течением с этого места не снесло. Человек лишен выбора. Единственный свободный выбор – быть безработным», 4-7ж; «Просто мужчине работу другую найти легче, вариантов больше. А мы тут сидим. Нам стабильность нужна», 4-13ж;* такая позиция особенно характерна для женщин старшего возраста: *«Если бы можно было оставить эту работу, но в нашем возрасте уже тяжело куда-нибудь устроиться, конечно», 4-43ж;* также 3-27ж, 3-25ж, 3-17ж, 2-36ж, 4-41ж, 4-45ж.

Традиционная, существующая во всех обществах недооценка женского труда усугубляет положение. Женский труд воспринимается как более легкий, в конечном итоге - как «не-труд», и поэтому более «закономерно» недооплаченный (Davies and Rosser, 1986; Acker, 1989, см. в [4]).

Интересно различие моральных самообъяснений мужчинами и женщинами факта своего труда за недостаточную оплату. У мужчин главным обоснованием выступает долг перед собой или некими абстрактными сущностями, **«героизм»** «настоящего мужчины»: *«Но соглашались. Во-первых, по соображениям моральным (горит, допустим лес, тут уж не упрешься, что устал и больше не хочу). А то еще был случай – я в Усть-Куломе в командировке, воскресенье – законный выходной, а тут звонок от начальства срочный, где-то в лесной деревушке баба рождает и надо вывозить. Ну я в одних трусах и*

за штурвал. Там и слетал, в трусах и за спасибо», 4-2м; также 3-47м. У женщин такой первопричиной является ответственность по отношению к конкретным людям: «ты знаешь уже на протяжении тридцати лет многих сотрудников, и уже знаешь их детей и уже знаешь их внуков и просто даже встретишь в коридоре какого-то человека, перекинешься двумя-тремя фразами, - и у тебя окрыленное настроение, потому что ты видишь, у него все хорошо и он тебе скажет какие-то добрые слова, и так вот поддерживают», 1-22ж; «доброта», способность откликаться на просьбу как составные части роли «истинной женщины»: «Просто пользуются моей добротой, я так думаю, потому что мужики - они в этом плане порезче», 1-48ж; «А женщина... ну что, если попросили, разве откажет?», 4-1ж; «мужчины – за каждую копейку трясутся, просто так ничего делать не будут. А женщины поворчат-поворчат – и сделают», 4-2м.

В связи с такими различиями невольно вспоминается теория Кэрол Гиллиган [9] о том, что «мужская» мораль более отвлеченная, неперсонализированная, а женская более «отношенческая», у мужчин на первом плане верность абстрактным принципам, у женщин – забота о конкретных людях.

Краткие выводы

Из приведенных данных можно заключить, что работа за недостаточную зарплату, действительно, во многом объясняется тем, что применяющие ее предприятия не очень «успешны» на «рынке»; но ведь и предприятия, и бизнесмены живут по диким нерыночным законам, испытывая принуждение со стороны разнообразных лиц и организаций. Таким образом, поведение как индивидуальных

работников, так и предприятий приспособительно, все они выбирают наилучший вариант из худших, считаясь с внешними ограничениями.

Если принять модель Пфау-Эффингер [10], согласно которой гендерный порядок, или гендерный уклад, встроен в общий уклад общественной жизни, то, на уровне микропрактик, можно увидеть, что работающие женщины чаще вынужденно работают за деньги, не обеспечивающие прожиточного минимума, и чаще воспринимают это как неизбежность вследствие низкой самооценки и низкой общественной оценки значимости женского труда. Мужчины ценят себя выше, и в случае вынужденной работы за недостаточное вознаграждение нуждаются в дополнительных самооправданиях, поддерживающих их «мужское достоинство».

И женщины, и мужчины выработали некую общую защитную стратегию – соглашаясь на недоплату за свой труд, они используют альтернативные ресурсы для дополнения своих доходов до уровня прожиточного минимума, а именно работу по производству пищи в своем хозяйстве и получение неденежного вознаграждения за работу на других людей или на предприятие: помощью, услугами, продуктами, связями. В некоторых случаях большое значение имеет символическое вознаграждение, вплоть до «морального удовлетворения». В обществе существует укоренившаяся «привычка» к неденежной оплате за труд, традиция «натурального» взаиморасчета. В этой области процветает своеобразный «обмен дарами», практика неформального «договора» между работником и работодателем, при котором первый иногда делает работу за недостаточную оплату, а второй «закрывает глаза» на некоторые «незначительные» нарушения трудового режима. Основа для возможности такого договора создается культурными традициями

взаимопомощи, общественной работы, субботников и «труда ради труда», потребности в труде. Анти-денежная мораль - традиционная, советская, альтернативная - в том числе специализированная по гендеру («женская доброта» - «мужской героизм»), способствуют добровольному выполнению людьми недостаточно оплачиваемой работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям переходной экономики России / Под ред. В. Кабашиной, С. Кларка. М.: РОССПЭН, 1999.
2. *Микульский К.*, Формирование новой модели занятости // *Экономист*. 1997. № 3. С. 46-52.
3. *Маркс К.* Капитал. Т. 1, гл. 5-8, 17, 22. М.: Госполитиздат, 1952.
4. *Katz K.* Gender, Discrimination and Western Economic Theory, forthcoming. Edward Elgar, 2001.
5. *Магун В.С.* Трудовые ценности Российского общества // *Общественные науки и современность*. 1996. № 6.
6. *Бергер П.* Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). М.: Прогресс, 1994. Глава "Капитализм и свободная личность". С. 116-147.
7. *Ходжсон Дж.* Привычки, правила, и экономическое поведение // *Вопросы экономики*. 2000. № 1.
8. *Ашвин С.* Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости // *Социол. исслед.* 2000. № 11
7. *Тартаковская И.Н.* Гендерные аспекты стратегии безработных // *Социол. исслед.* 2000. № 11.
9. *Gilligan, C.* In a different voice: Psychological theory and women's development. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982.
10. *Пфау-Эффингер Б.* Опыт кросс-национального анализа гендерного уклада // *Социол. исслед.* 2000. № 11.